

УДК 821.161.1

В.А. СТАЦЕНКО
(varsta2001@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

АНДЕРСЕНОВСКИЙ СЛЕД В ПОЭТИКЕ «СКАЗОК КОТА-МУРЛЫКИ» Н.П. ВАГНЕРА*

Сопоставляются сказки Н.П. Вагнера, русского ученого и писателя второй половины XIX в., и сказки датского писателя Х.К. Андерсена. Выявляется общность тематики, проблематики, образной системы.

Доказывается своеобразие «Сказок Кота-Мурлыки» и оригинальность трактовки Н.П. Вагнером сюжетов датского сказочника.

Ключевые слова: сказка литературная, Н.П. Вагнер, Х.К. Андерсен, притчеобразность, социальная окрашенность, образ рассказчика, интертекстуальность.

В 1922 г. в журнале «Педагогическая мысль» появилась статья писателя, литературного критика и педагога Н.Н. Бахтина о соотношении сказок Ханса Кристиана Андерсена и Николая Петровича Вагнера, русского ученого и литератора [2]. Автор статьи одним из первых указал на литературное значение творений русского сказочника. И если Х.К. Андерсен известен всему миру, сказки его имеют огромную популярность, постоянно издаются и переиздаются, то, по словам критика, «ничего подобного не имеет наш Вагнер и не потому, чтобы он этого не стоил; наоборот, он остается в тени совершенно незаслуженно» [Цит. по: 6, с. 13].

За сто прошедших лет ситуация мало изменилась. Как ни печально это признавать, сегодня Вагнер-сказочник почти забыт. Единственное современное полное переиздание его сказок вышло в 1991 г. Большинство детей и взрослых не знают, что когда-то жил «старый и весьма почтенный Кот» [3, с. 16], который любил рассказывать парадоксальные сказки.

«Сказки Кота-Мурлыки» вышли в 1872 г., когда прошло порядка десяти лет после первого издания переводов «Сказок и историй» Х.К. Андерсена (в нашей статье используется их современный перевод [1]). Сам Вагнер в автобиографической статье «Как я сделался писателем?» (1892) так отозвался о влиянии на него датского сказочника: «Читая похвальные и даже восторженные отзывы о сказках Андерсена в наших журналах и газетах, я купил их и прочел. Многие из них мне также понравились, но многими я был недоволен, находил их слабыми и задал себе вопрос: неужели я не могу написать себе так же или лучше?» [4, с. 441]. Другими словами, сказки Х.К. Андерсена выполнили роль катализатора литературного творчества Н.П. Вагнера.

Современники неспроста называли Н.П. Вагнера «русским Андерсеном». Сюжеты некоторых сказок, действительно, схожи. Однако, на наш взгляд, здесь следует говорить об особом типе интертекстуальности. Это не столько заимствование сюжетов Х.К. Андерсена, сколько отталкивание от них. Отсюда такие черты поэтики «Сказок Кота-Мурлыки», как их тяготение к жанру притчи, связь с религиозно-философскими идеями эпохи.

Так, сказку «Курилка» часто сопоставляли с «Воротничком» Х.К. Андерсена. «И там, и тут очеловеченные предметы ведут глубокомысленные разговоры, вступают в трогательные взаимоотношения» [6, с. 9]. Такие сказки, как «Ель» Х.К. Андерсена и «Береза» Н.П. Вагнера, рассказывают о взаимосвязи всего сущего и смысле жизни как служения добру: березу сломала буря, она погибла, затем дровосек унес ее, изрубил и бросил в печь, на которой была сварена отменная овсяная каша, порадовавшая детей; ель сожгли, но она испытала радость самовыражения, принося счастье детям. Такими чертами сюжетного сходства и ограничивались исследователи.

Более широкий взгляд на проблему соотношения сказок этих авторов предложил В.А. Широков в статье «Русский Андерсен». Он показал, что можно сравнить не только сказочные сюжеты, но и тематику, и проблематику сказок. Общими для русского и датского сказочников стали такие темы, как не-

* Работа выполнена под руководством Гольденберга А.Х., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

избежность расставания со всем дорогим и милым сердцу; вера в чудо, в светлый мир добра и любви; соответственно – неприятие зла, отвращение к нему; просветительская вера в силу человеческого разума; тема дарвиновской борьбы за выживание. Х.К. Андерсен и Н.П. Вагнер совпали в своем понимании значения сказки, для них она не просто способ самовыражения, это «средство познания мира, способ активного мировоззрения» [6, с. 9].

Оба сказочника работают в рамках христианской культуры. Религиозные образы, обращение к молитве, к Богу, дидактизм – все это в равной мере представлено у сказочников. Этим объясняется присущая вагнеровским и андерсеновским сказкам притчеобразность.

Однако сам Н.П. Вагнер, как отмечалось выше, довольно резко заявлял, что многими сказками Х.К. Андерсена он был недоволен. Возникает закономерный вопрос: в чем своеобразие «Сказок Кота-Мурлыки»? И чем они решительно отличаются от сказок Андерсена?

Из отзывов современников писателя известно, что они Н.П. Вагнера ценили выше Х.К. Андерсена за большую социальную направленность и современное звучание сюжета. Не нужно забывать и исторический контекст, в котором Н.П. Вагнер создавал свои философские сказки. Это было время краха народнических идей, породившее общее пессимистичное настроение русского общества и нашедшее отражение в его сказках. Человечество стояло на пороге величайших научных открытий и общественных перемен, и Н.П. Вагнер в форме философской сказки старался дать читателю духовно-нравственную опору, направление для размышления и работы над собой, для преобразования общества.

Сопоставительный анализ конкретных сказочных текстов дает возможность увидеть оригинальность творчества русского сказочника. Так, при сходстве характеристик персонажей, общности выводов сказок «Курилка» и «Воротничок» сюжет в сказке Кота-Мурлыки приобретает социальную окраску. Курилка не просто «сосновая лучинка с черной головкой» [3, с. 126], он «князь, граф, барон Фиш фон Курилкирр» [Там же, с. 129], ему не пристало водиться с солдатами и разной кухонной утварью. Н.П. Вагнер наказывает героя не только за хвастовство, но и за надменность к сестрицам-лучинкам, за бахвальство лживыми титулами.

Уже проводилась параллель между сказками «Пимперлэ» и «Оле-Лукойе», но при всей внешней схожести образов, переключке смыслов, в сказке Н.П. Вагнера есть то, что отсутствует у Х.К. Андерсена, но ярко представлено у русского сказочника. Пимперлэ приходит к добрым детям, но не ко всем, «он терпеть не может мраморных зал с раззолоченными карнизами» [Там же, с. 66] и не может слышать пафосные слова высших сословий. Оле-Лукойе асоциален, он не берет в расчет словесные различия и общественный статус героев.

Огонек в датской («Девочка со спичками») и русской («Фанни») сказках становится проводником в мир мечты. Однако если у Х.К. Андерсена встреча с бабушкой пронизана исключительно добрыми, светлыми чувствами, сновидение несчастной Фанни наполнено философскими раздумьями о жизни и смерти, безответными стенаниями, обращенными к покинувшему ее возлюбленному. При этом в сон героини вторгаются картины суровой действительности. У Н.П. Вагнера «не отличишь иной раз того, что кажется, от того, что есть на самом деле» [Там же, с. 400]. Сказка не кончается после смерти героини, за ней следует отнюдь не сказочный финал: никто не испытал жалости к Фанни, а хозяйка и вовсе обворовала ее. Для всех таких Фанни смерть, по мнению автора, это радость. Здесь нет андерсеновского сочувствия, отражена суровая правда жизни вплоть до тягостных подробностей погребения героини.

«Чудный мальчик» Н.П. Вагнера и «Снежная королева» Х.К. Андерсена объединены образом злых искр или осколков. Первые вызывали смех у горожан, вторые служили потехой дьявола над людьми. В обоих случаях подчеркивается невежество обывателя. Сюжеты этих сказок довольно сильно отличаются, Чудный мальчик, бросающий искры, чтобы рассмешить горожан, – образ оригинальный. Однако при этом сказка Н.П. Вагнера имеет ярко выраженную социальную окрашенность. Для ее героев важную роль играет сословная иерархия (царь, царевна, слуга), социальная дистанция между горожанами и царской семьей.

«Сказки Кота-Мурлыки» привлекают читателя тем, что задают сложные, ведущие к вдумчивому размышлению вопросы. Как отмечает И.Г. Минералова, Х.К. Андерсен призывает своих читателей к сопереживанию, сказки Н.П. Вагнера, не отменяя «сопереживательного» начала, приглашают к «соразмышлению», при том, с необычной точки зрения, и причина этого – особый тип рассказчика – Кот, «полный всяких противоречий» [3, с. 16], смотрящий на мир «вверх ногами» [Там же]. «Вагнер-ученый здесь помогает Вагнеру-фантазеру. Логическое и алогичное ведут диалог» [5, с. 110].

Необходимо отметить и то, что «Сказки Кота-Мурлыки» способны удивлять по-настоящему. Почти невозможно предугадать их неожиданные финалы. Такая непредсказуемость связана с перевернутым положением в пространстве Кота-Мурлыки. И совсем не по-сказочному звучит концовка сказки «Курилка»: «...если тебе случится когда-нибудь в твоей жизни встретить Курилку, который всем надоедает, постоянно болтает и ничего не делает, то знай, что это не что иное, как ходячая машина для одобрения твоей родной земли» [3, с. 130].

Такие фантастические персонажи, как Пимперлэ, Гулли, Котя, Мила и Нолли и др., отнюдь не заимствованы у Х.К. Андерсена, а являются творением необыкновенной фантазии русского сказочника, отражением его религиозно-философских взглядов.

Н.П. Вагнер, прежде всего, был крупным ученым-зоологом, а потом уже сказочником и писателем, поэтому структура и тематика его сказок во многом соотносятся с законами жизнедеятельности животных. Борьба за жизнь, притом предельно жестокая, – вот то, что, по мнению Н.П. Вагнера, сближает человека и животного или напоминает человеку о его происхождении. Автор сказок исследует в них современное ему общество, подвергает его своеобразному социальному эксперименту и на большом количестве примеров старается убедить вероятных оппонентов (читателей, слушателей) в истинности своих суждений.

Таким образом, парадоксальный стиль философских сказок Н.П. Вагнера, их не подчиняющаяся однозначному определению структура, ярко выраженная социальная окрашенность носят самобытный характер и – при всех очевидных сюжетно-образных перекличках – не могут рассматриваться как прямое подражание Андерсену.

Литература

1. Андерсен Х.К. Сказки и истории: в 2-х т. Л.: Худ. лит-ра, 1969. Т. 1.
2. Бахтин Н.Н. Этюды по детской литературе. (1. Введение. 2. Сказки Кота Мурлыки) // Педагогическая мысль: общепедагогический журнал. Пг., 1922. Вып. 1/2. С. 39–63.
3. Вагнер Н.П. Сказки Кота-Мурлыки. М.: Правда, 1991.
4. Вагнер Н.П. Как я сделался писателем? (Нечто вроде исповеди) // Сказки Кота Мурлыки. М.: Правда, 1991. С. 429–442.
5. Минералова И.Г. Детская литература: учебник и практикум для СПО. М.: Изд-во Юрайт, 2016.
6. Широков В.А. Русский Андерсен // Вагнер Н.П. Сказки Кота-Мурлыки. М.: Правда, 1991. С. 5–14.

VARVARA STATSENKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

FOOTPRINTS OF H.C. ANDERSEN IN THE POETICS “THE FAIRY TALES OF THE MURLYKA-CAT” BY N.P. WAGNER

The article compares the fairy tales of N.P. Wagner, the Russian scientist and writer of the second half of the XIXth century, and the fairy tales of the Danish writer H.C. Andersen. There is revealed the similarity of the subject matter, topics and image system. There is substantiated the specificity of “The fairy tales of the Murlyka-Cat” and the originality of N.P. Wagner’s representation of the plots of the Danish storyteller.

Key words: literary fairy tale, N.P. Wagner, H.C. Andersen, parable nature, social coloration, narrator’s image, intertextuality.